На правах рукописи

Казакова Анна Юрьевна

ЖИЛИЩНАЯ ДЕПРИВАЦИЯ И ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ СТИГМА КАК АТРИБУТЫ МАРГИНАЛЬНОСТИ

Специальность: 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора социологических наук

Ставрополь – 2020

Работа выполнена в ФГАОУ ВО
«Северо-Кавказский федеральный университет»

Научный консультант: доктор социологических наук, профессор
Лушников Дмитрий Александрович

Официальные оппоненты:
Григоричев Константин Вадимович
доктор социологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», профессор кафедры политологии, истории и регионоведения
Звоновский Владимир Борисович
доктор социологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Самарский государственный экономический университет», профессор кафедры социологии и психологии
Козырьков Владимир Павлович
доктор социологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии
Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет», г. Хабаровск

Защита диссертации состоится «25» февраля 2021 года в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.245.04 при ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» по адресу: 355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1, корп. 20, ауд. 312.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» по адресу: 355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1, https://www.ncfu.ru/export/uploads/dokumenty-dissertacii/disser_au-kazakova.pdf

С авторефератом можно ознакомиться на сайте СКФУ: https://www.ncfu.ru/export/science/dissertacionnye-sovety/obyavleniya-o-zaschite-dissertaciy/Kazakova-Anna-Ur_evna/

Автореферат разослан «___» декабря 2020 года

Ученый секретарь
диссертационного совета А.Э. Гапич

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования связана с хронической жилищной проблемой страны, перестройкой социально-территориальной структуры, жилища как социального института, размыванием национально-государственной идентичности россиян, другими процессами, вызывающими ряд противоречий в социальной системе. К ним относятся противоречия между: затяжной острой потребностью массы населения в жилье и неудовлетворенным спросом на него; поступательным снижением уровня реальных располагаемых денежных доходов населения и доступностью жилья; неудовлетворенными потребностями в жилье и отсутствием четких целей жилищной политики государства и жилищных стратегий граждан; жилищными субкультурами в условиях роста мультикультурализма современных обществ и либерально-попустительской миграционной политикой; формированием альтернативных тактик выживания в нежилых строениях, трущобах, в производственных помещениях по месту работы и наличием теневого рынка арендного жилья. За период существования новой России создано множество ФЦП и жилищных институтов, но их эффективность как инструментов решения жилищной проблемы и сглаживания неравенства внутри высоко гетерогенной и поляризованной системы жилищной стратификации низка. Доминирует пассивная рыночная модель жилищной политики, тогда как основная часть жилфонда сформирована в рамках противоположной – раздаточной – модели жилищной политики СССР, что во многом определяет и высокую степень его износа, и патернализм в жилищном менталитете россиян, не только дезадаптированных, но и относительно благополучных.

Остроту неравенства жилищных ресурсов у разных групп населения усугубляет хаотичность элементов избирательной позитивно-дискриминационной жилищной политики. Обеспечение жильем ветеранов, детей-сирот, многодетных семей и других льготных категорий носит нерегулярный, бессистемный, непредсказуемый характер; целый ряд жилищных льгот существует только на бумаге. Очередность расселения из ветхого и аварийного жилья не соответствует реальному уровню износа жилфонда и т.д. Тарифы ЖКХ непрерывно растут, а качество жилищно-коммунальных услуг до сих пор остается низким. Учащаются аварии, катастрофы, стихийные бедствия, а фонд маневренного жилья отсутствует, равно как и культура противодействия риску не только у граждан, но и на уровне политики национальной безопасности. Нет института доходного жилья, сужается ниша социального жилья, что можно рассматривать как один из источников бездомности, точные данные об уровне которой в стране отсутствуют, без чего невозможно ни искоренить ее предпосылки, ни смягчить ее последствия.

Перечисленные выше противоречия и проблемы действуют как факторы роста социальной напряженности, дестабилизируют социальную систему и вызывают дисфункции социальных институтов, чувствительных к состоянию жилищной сферы, особенно – семьи и брака. Слабое участие государства в жилищном обеспечении молодых семей как стратегическом условии демографического роста удлиняет период их бездетности, ведет к росту закредитованности населения, к увеличению плотности заселения той жилплощади, которая имеется в распоряжении семей. Сложившаяся структура жилфонда, ориентированного на отдельную семью, не соответствует современным процессам ее денуклеаризации, о чем свидетельствует рост домохозяйств-одиночек и коллективных домохозяйств, что ведет к увеличению социального дна за счет крайних форм эксклюзии одиноких пенсионеров, матерей, детей без родительского попечения. Перенаселенные городские жилища не создают благоприятной социализирующей среды для детей и подростков, а существование расширенных семей в сельской местности, где выше уровень среднедушевой жилой площади, отягощается низкой благоустроенностью жилищ, неразвитостью социальной и бытовой инфраструктуры поселений и отсутствием мест приложения труда. Оба типа жилищных ситуаций стигматизируются и вызывают маргинализацию семей, побочным эффектом которой становятся безвозвратные потери человеческих ресурсов из числа детей-сирот, которые в результате педагогической запущенности, жилищно-бытовой неустроенности, дискриминации пополняют «социальное дно». Масштабы институционального детства в стране поддерживаются неразвитостью институтов приемной и гостевой семьи, в том числе из-за жилищной неустроенности, из-за наличия незадействованных ресурсов профессионализации приемных семей, в частности, сельских. Таким образом, взятый правительством курс на укрепление семьи тормозится неадекватной жилищной политикой и отсутствием эффективных мер сдерживания роста социального дна.

Маргинализации способствует и усиление миграционных процессов, которые детерминированы рассогласованием сложившихся систем размещения населения, пригодного жилфонда и мест приложения труда, ведущим к росту отходничества, возникновению феномена «второго жилья», трудовым сверхнагрузкам, размыванию территориальной идентичности, чему способствует и такое специфическое следствие распада СССР, как разделенные семьи на всем постсоветском пространстве. Стимулирование государством трудовой мобильности, в том числе ради колонизации депопулированных территорий, осложняется высочайшим нерегулируемым уровнем неравенства между регионами не только в доходах населения, но и в доступности и качестве жилья, когда переезд чреват резким ухудшением жилищных условий и даже бездом-

ностью. Во многих регионах страны исследователи заговорили о дезурбанизации. Повсеместно в поиске оптимального баланса между доступом к городским ресурсам и жилищными условиями население устремилось в пригороды. Всплеск субурбанизации не остался незамеченным, и правительство ответило на него почти одновременно «дачной амнистией» и ростом налоговой нагрузки на загородную недвижимость и личные подсобные хозяйства граждан.

Наблюдается ключевое противоречие между сложившимися системами экономической, жилищной и социокультурной стратификации, вследствие чего за рассогласованием статусов возникает множество ситуативных идентификаций, размывающих личные и групповые идентичности и множащих маргинальность. Несовпадение уровня и качества жизни сказывается резким несоответствием между жилищной обеспеченностью и удовлетворенностью населения жильем. За высокий доход платят жилищным неблагополучием, беспорядочной жизнью «на два дома» или в арендном жилье, бытовой неустроенностью, богемным, холостяцким, полукочевым образом жизни и трудовыми сверхнагрузками. Покупка соразмерного домохозяйству и его потребностям жилья надолго ввергает в режим подавления всех остальных потребностей, в зависимость от банков и работодателей, в атмосферу гнетущего страха перед любыми внеплановыми тратами. Слишком большое жилье одиноких или малообеспеченных граждан часто становится обузой, от которой те не спешат избавиться из-за отсутствия опыта поведения на рынке недвижимости, отсутствия адекватной жилищной альтернативы, эмоциональной привязанности.

В советскую эпоху уровень и качество жизни находились на достаточно низком уровне, что сглаживалось политикой выравнивания и доходов, и жилищного обеспечения. В докапиталистических обществах главными источниками неравенства являлись земля, родовитость, власть, личная свобода. При собственно рынке, на фоне сильной дифференциации населения, высокому уровню доходов соответствует высокое качество жилья и наоборот. В условиях трансформирующейся жилищной модели современной России, острого социально-территориального неравенства частым является несоответствие между жильем и доходами. Те, у кого они согласованно высокие или низкие, превращаются в узкие, замкнутые, изолированные на периферии социального пространства и с трудом идентифицируемые в физическом пространстве маргинальные слои-невидимки – жилищные меньшинства, которые мало соприкасаются с жилищным большинством и редко привлекают внимание исследователей.

Вышеизложенное обусловливает актуальность и перспективность анализа ключевых противоречий в жилищной сфере как источников роста социальной напряженности вследствие жилищной депривации, стигматизации и маргинализации населения.

Степень научной разработанности темы исследования определяется рядом научных традиций, позволяющих интерпретировать дом и жилище как минимальную единицу локальности. Социологическое (Г. Зиммель, П. Сорокин, Т. Парсонс, Ю. Хабермас, Н. Луман, П. Бергер и Т. Лукман, А. Шютц, И. Гофман, П. Бурдье, Л. Вакан) и социально-психологическое (Г. Лебон, В. Вундт, И. Альтман, Р. Баркер, Т. Нийт, М. Аргайл, М. Черноушек, А.Г. Лебедев, Л.И. Анцыферова, С.К. Нартова-Бочавер, М.В. Осорина, Е.Э. Штейнбах и др.) осмысление пространства, возникновение социальной экологии (Л. Стеффенс, У. Томас и Ф. Знанецкий, Р. Парк и Э. Берджесс, Н. Андерсон, Л. Вирт, Х. Зорбо, О.Н. Яницкий) дают начало исследованиям образа жизни и социального типа личности представителя жилищного класса (Н. Андерсон, Х. Зорбо, Г. Ганс, С. Фава, У. Уайт, Т. Самец, П. Гибас, К. Эммануэли и У. Готье, Е.А. Коваленко, С.А. Стивенсон), рисков, опасностей, угроз (С. Кьеркегор, Ж.П. Сартр, К. Ясперс, М. Хайдеггер, Н.А. Бердяев, Э. Фромм, П.Л. Бернстайн, А. Маслоу, У. Бек, Н. Луман, Э. Гидденс, В.Э. Шляпентох, О.Н. Яницкий, С.Г. Харченко, Р.В. Ананьева, Е.Ю. Дорохина, В.В. Гришаев, П.А. Амбарова, Н.К. Радина). Большинство рисков порождается макросоциальными процессами, но качество жизненной среды горожан определяет их локальное преломление. Исследования уровня и качества жизни социально-территориальной общности можно определить через отношения социального субъекта с территорией, которая проявляет себя как среда, фактор и идея (Н.В. Бекетов).

Территория как среда в различных версиях экономического детерминизма – это пространственная форма социально-экономических отношений (М. Вебер, Л. Вирт, А. Вебер, В. Кристаллер, Г. Зиммель, Ф. Энгельс, Ч. Бут, Э. Чедвик). Поэтому качество жилья, обеспеченность жильем в марксизме и тяготеющих к нему теориях (социальная гигиена, моральная статистика) – прямое продолжение уровня жизни, критерий глубины бедности, источник эксплуатации. Жилье – ресурс, которого может быть много, мало или не быть совсем. Именно в таком смысле Ф. Энгельс впервые употребляет понятие «жилищная нужда». Морфология жилищной обеспеченности изучается в экономической социологии (П. Таунсенд, Н.Е. Тихонова, Е.С. Шомина, М.К. Горшков, Т.И. Заславская, О.Э. Бессонова, Р.В. Рывкина, Н.М. Римашевская и др.), но морфологический анализ не дает вполне оценить масштабы и остроту жилищной проблемы, соположение субъектов на «жилищной лестнице» (Е.С. Шомина), а значит, и приоритеты социальной политики. Большинство прикладных работ призывают к переходу от абсолютного подхода в измерении жилищных обеспеченности и лишений к относительному, а далее – указание на острое неравенство по доходам, и в чем состоит «относительность» жилищной проблемы, остается неясным. Выходом из положения становится апелляция к культуре и исторической изменчивости потребительского стандарта. Каковы

эти нормы жилищной культуры и как выглядит минимально достаточный для данного отрезка времени уровень жилищной обеспеченности, – неясно. Когда же выясняется, что парадоксальным образом значительная часть богатых и обеспеченных испытывает острую неудовлетворенность своими жилищными условиями (М.Б. Бреслов, А.Я. Бурдяк), «относительная депривация» предстает как случайное стечение обстоятельств, индивидуальных вкусов, капризов и зависти.

Территория (и жилье) как фактор некой деятельности предстает как набор ресурсов, определяющих репертуар социальных отношений. Такой угол зрения характерен для ресурсного и структурно-функционального подходов: чем располагает данная территория, что она может дать субъекту; каковы функции «резидентного» и рабочего наборов местоположений в городской структуре, связанных с ними ролевых экспектаций и территориального поведения (Т. Парсонс, Н. Смелзер, Н.В. Бекетов, И.П. Рязанцев, А.Ю. Завалишин). Жилищно-территориальные системы как факторы активно исследуются в демографии, социологии медицины, социологии бюджетов времени, образа жизни и досуга (Ф.Ле Пле, К. Маркс, Д.П. Журавский, Н.И. Зибер, П.А. Сорокин, А.В. Чаянов, А.Н. Челинцев, Г.А. Студенский; С.Н. Прокопович, М.Н. Давидович, М.А. Стопани, Ф. Гиддингс и Д.Э. Бэванс, С.Г. Струмилин, В.Д. Патрушев, В.А Ядов). В этом ключе изучается и субурбанизация: А. Вебер, Т. Веблен, Х. Дуглас, У. Уайт, С. Фава, Г. Ганс, Дж. Саттлз, Г. Хаули, П. Мюллер; с 1960-х г.г. в России – В.Г. Давидович, Е.Н. Перцик, В.В. Трушков, М.О. Хауке, Л.Б. Коган, В.О. Рукавишников, А.Д. Хлопин, О.Н. Яницкий, А.В. Никифоров, Ю.Л. Пивоваров, Т.Г. Нефедова, Г.М. Лаппо, А.И. Трейвиш, А.Г. Махрова, А.В. Белов, М.К. Беляев и С.А. Соколова, К.В. Григоричев, А.С. Бреславский, Н.И. Карбаинов, В.Б. Звоновский, Д.Ю. Меркулова и др.

Территория как идея (де-)кодируется потоками социальных коммуникаций, социальной памятью (М. Фуко, П. Нора, Ж. Бодрийяр, Ж. Деррида, П. Бурдье, Н.В. Романовский, Н.А. Шматко и Ю.Л. Качанов, Ж.Т. Тощенко, Г.И. Зверева, В.В. Глебкин, И.В. Суханов, Ю.Ю. Мекаева, В.А. Колеватов, О.Т. Лойко, У.Г. Розенберг, О.В. Гавришина и др.). Жилищно-территориальные нормы и ценности реконструируются исходя из семиотики жизненного пространства (М.М. Бахтин, В.Н. Топоров, В.В. Иванов, В.В. Колесов, Е.М. Мелетинский, Ю.М. Лотман, И.Н. Медушевская, Г.С. Кнабе, Н.Б. Мечковская, Л.Г. Ионин, Т.Б. Щепанская и др.), культурной антропологии и феноменологии дома (П. Вайль, Г. Башляр, М. де Серто, К. Линч, К. Норберг-Шульц, В.Н. Топоров, А.К. Байбурин, А.С. Мухин). Жилище как переживание отражается в анализе жилищной социализации (К. Герни, Р. Роуландс, Е.Л. Разова, М.С. Астоянц, М.В. Осорина, С.С. Виньков, Т. Самец, М. Люкс, В. Бартош, П. Сунега, Я. Палгута, И. Боумова, Л. Кажмер), территориальной идентичности (К.

Келли, М. Рютерс, М. Драганова, П. Староста, В. Столбов, Т.А. Овсянникова, С.И. Резниченко, И.С. Самошкина, И.В. Воробьева, О.В. Кружкова, А.Ю. Плешакова, В.А. Чупина, А.В. Микляева, П.В. Румянцева), условий личностной защищенности, (дез-)адаптации (М.В. Старичкова, С.К. Нартова-Бочавер, Е.Ю. Герасимова, И.В. Утехин), демонстрации социального «Я» (Т. Веблен, Х. Зорбо, П. Бурдье, О.Е. Трущенко, Т.В. Ковалева, В.М. Капицын, А.В. Марьина). Дом выражает культурную модель человека (М. Кастельс, П. Глейхман, В.П. Козырьков, И.А. Мартынюк, М. Вильковский, Х. Делитц, О.Н. Яницкий, С.Н. Алехина, Е.В. Каргаполова, С.Н. Рымарович, В.Л. Глазычев, К.В. Кияненко и др.). Однако негативная сторона этой модели осталась белым пятном. Образ города анализировали Г. Зиммель, С. Милграм, К. Линч, И. Альтман, М. Аргайл и Дж. Дин, Э. Холл, М. Черноушек, Г.М. Андреева, С.К. Нартова-Бочавер, О. Ньюман, Д. Джекобс, С. Сассен, но и они обходят вопросы негативной территориальной идентичности, хотя Л. Вирт и Х. Зорбо показали, что отсутствие домовладения обесценивает территорию, соседство и ведет к маргинальности.

Концепция маргинальности (Г. Зиммель, У. Томас и Ф. Знанецкий, Р. Парк, А. Шюц, Ф. Теггарт, Э. Стоунквист, Э. Богардус, П. Бурдье, З. Бауман) дифференцировалась на три подхода: культурной, социально-ролевой и структурной маргинальности (Дж. Манчини). К последнему можно отнести концепцию «новой городской маргинальности» Л. Вакана, в центре которой – понятие территориальной стигмы как маргинального пространства (С. Сассен, Д. Мур, Р. Нашашиби, Д. Калб, Ч. Тилли, М. Дэвис, Т. Блокланд, Л. Морошану и Д. Фокс, А.Г. Агафонова, И.А. Гареева, С.Е. Туркулец, А.В. Туркулец). Акцентируется стигма этнокриминального содержания, хотя очевидна ее большая широта: «трущобы» как зоны расселения не только мигрантов, но и коренного андеркласса, совокупность «страшных пространств» и пространств «священных». Стигма тесно связана с жилищными проблемами, девиациями, рисками, катастрофизмом и требует учета социальных смыслов жизни на опасной территории, обесцененной собственности, эмоциональной травмы от утраты дома.

Основная проблема исследования – как и почему под влиянием жилищной ситуации воспроизводится пространственная маргинальность, каковы причины возникновения, виды и степень влияния территориальной стигмы, определяющей негативную территориальность жителей.

Гипотеза-основание. Маргинальность возникает под влиянием низкого уровня жилищной обеспеченности и качества жилищных условий как следствие и отражение существующей системы социальной стратификации. Домохозяйства со множественной депривацией расселяются в ареалах внутренне

однородной застройки в пределах естественных зон с низким ресурсным потенциалом. Сходство их жилищных ситуаций по типу жилья, его качеству, территориально-поселенческому статусу определяется высокой рискогенностью жизненной среды. Жилище как «ядро», где сходятся все социальные отношения горожан, визуализирует неравенство и потому надежно клеймит своего обитателя, сигнализируя «нормальным людям» об опасности сближения с неблагополучными, девиантными, маргинальными слоями. В результате возникает эффект вторичной маргинализации под действием двух основных механизмов:

а) абсолютная жилищная депривация и неконвенциональные, девиантные ответы на нее как копинг-стратегии, адаптация к дискомфортной и рискогенной жизненной среде, включая ее социальный компонент (маргинальное и девиантное соседство, его избыточная плотность и краудинг);

б) переход абсолютной депривации в относительную через стадию развития территориальной стигмы вокруг ареалов расселения депривированных групп, которая начинает работать как дополнительный фактор эксклюзии.

Можно говорить об ойкофобии как субъективной стороне жилищной депривации, имея в виду как отчуждение и страх перед реальными и мнимыми угрозами, которые несет дом для своих обитателей, так и снижение ценности дома ввиду сдвига в сторону кочевого, бессемейного, космополитичного жизненного уклада.

Гипотезы-следствия:

1. Жилищная депривация автономна от финансово-экономической.

2. Восприятие дома как опасного и «ущербного» (дисфункционального) составляет сущность субъективной жилищной депривации.

3. Объективную опасность проживания усиливают и закрепляют социокоммуникативные институты, формирующие ойкофобию как модель жилищной культуры.

4. Дисфункции жилья влияют на резидентное, семейно-брачное, гендерное поведение, на адаптацию в новом месте жительства, формируют совокупность территориальных стигм.

5. Вследствие утраты домом автономии, объективной невозможности удовлетворять дома все базовые потребности и субъективного дискомфорта всем жилищно депривированным свойственна негативная жилищно-территориальная идентичность, наиболее заметная в стигматизированных локальных сообществах пригорода и исторического центра.

Объект исследования – рискогенная жилая среда в социально-территориальной структуре современного российского общества.

Предмет исследования – маргинализирующий потенциал жилищной депривации и территориальной стигмы как форм рискогенной жилой среды.

Цель исследования – выявить механизмы детерминации маргинальности социальных слоев российского общества жилищной депривацией и стигматизацией территорий путем решения следующих **задач:**

1. Обосновать рискологический контекст анализа депривации, стигмы и маргинальности как свойств жилищно-территориальных систем, место риска в моделях благоприятной жизненной среды.
2. Определить сущность жилищной депривации как рискогенной жилищной ситуации.
3. Обосновать самостоятельность феномена жилищной депривации.
4. Проанализировать формирование территориальной стигмы как маркера ареалов концентрации риска и фактора вторичной маргинализации.
5. Рассмотреть вытеснение социально незащищенных из зоны жилищного благополучия и функционирование институционального жилья.
6. Проследить защитно-территориальные реакции жителей на маргинализацию и рискогенность городской среды.
7. Уточнить картину жилищной стратификации; предложить типологию объективных депривационных жилищных ситуаций.
8. Определить характер распределения объективных аллокативных рисков, социальный состав и связи, роль жилища как стимула территориального поведения полярных жилищных классов.
9. Оценить рискогенность жизненной среды различных жилищных классов и внутригородских "естественных зон", оценить перспективы субурбанизации как средства борьбы с жилищной проблемой.
10. Рассмотреть сущность краудинга с позиций исторической антропологии и инвайронментализма.
11. Выявить сегменты жилищной депривации правового происхождения и латентную структуру состояния законности в жилищной сфере.
12. Выделить виды территориальной стигмы, критерии ее возникновения и закономерности динамики.
13. Установить количественный вклад системы СМК в формирование ойкофобии.
14. Проанализировать территориальную идентичность стигматизированных локальных сообществ.
15. Рассмотреть функции институционального жилья в процессе геттоизации «социального дна».
16. Определить вклад стигмы в цену и частоту продаж жилья, депопуляцию территорий.

Теоретико-методологическая основа диссертации мультипарадигмальна.

В соответствии со структуралистским подходом состояние маргинальности обосновано наличием основополагающих структур (жилищно-территориальные системы, риски и стигмы).

Согласно марксистскому подходу в поиске генезиса этих структур опорой служат историцизм и потребностно-деятельностный подход, которому соответствует выделенный П. Таунсендом «метод лишений» в оценке неравенства по доходам, позволяющий оценить и неравенство жилищных ресурсов.

Выделить городские ареалы и территориальные стигмы позволяет социально-экологический подход, идея топологичности города Чикагской школы и метод предельных случаев как наиболее адекватный анализу маргинальных групп.

В анализе содержания территориальных стигм и ойкофобных паттернов важна культурантропологическая теория репрезентаций С. Холла и конструкционистская методология фрейм-анализа (Ч. Филмор, М. Минский, Э. Гофман, С. Московичи), где социальное действие производно от порождающей модели фрейма.

Для выявления дискриминант неудовлетворенности, стрессов и функциональной бедности жилой среды применим атрибутивный анализ, что соответствует феноменологическому социально-конструктивистскому подходу.

При построении собственной методологии использованы: структуралистская трактовка маргинальности; метод лишений П. Таунсенда; статистические критерии Евробарометра, ООН-Хабитат (Программа Организации Объединенных Наций по населенным пунктам) и Росстат; индексы человеческого развития (ИЧР) и социального бедствия (ИСоБ) Ф.М. Бородкина-С.А. Айвазяна; теория жилищного класса Д. Рекса и Р. Мура; понятия «жилищной лестницы» и «жилищного большинства/меньшинства» Е.С. Шоминой; концепция новой городской маргинальности Л. Вакана и габитуса П. Бурдье; внутренней периферии Б.Б. Родомана; осквернения у М. Дуглас; фронтирности Г. Зиммеля-А.Шютца-Р. Парка-З. Баумана; безопасного города Д. Джекобс-О. Ньюмана-К.В. Кияненко; «престижного адреса» О.Е. Трущенко; стресса урбанизма Г. Зиммеля-Л. Вирта-С. Мильграма, по-новому осмысленного в концепциях краудинга Д. Колхауна-Р. Баркера-Д. Стоколса и психологической суверенности личности у Л.И. Анцыферовой-С.К. Нартовой-Бочавер; понимание структуры социального бедствия у П.А. Сорокина, а жизненной среды – у Ю. Круусваля-М. Хейдметса, Г.М. Андреевой, П.А. Амбаровой, С.Г. Харченко с включением «сверхъестественного компонента» У.Л. Уорнера.

Основные положения авторской методологии. Положение о «принудительной» силе жизненной среды сохраняется для жилищно-территориальных систем, где жилище одновременно выступает как собственность, социаль-

ный институт и социокультурная ценность, а субъекту предписан комплексный территориально-поселенческий и жилищный статус. Жилье в комплексе с территорией и реализующимися через них социальными отношениями образуют для человека «дом». Становясь частью образа Я, они свидетельствуют о личном и социальном благополучии. Противоположный процесс – дедоместикация: отчуждение от жилища и территории, формирование негативной жилищно-территориальной идентичности и ойкофобии, которые автор считает субъективными показателями жилищной депривации.

Из отождествления депривации и угрозы у А. Маслоу и В.Э. Шляпентоха вытекает сущность жилищной депривации как нарушения защитной функции дома. Невозможность удовлетворять потребность в безопасности объективно детерминирована рядом социально опасных жилищных ситуаций. Объективность и узнаваемость таких жилищно-территориальных систем делает страх их неотъемлемым атрибутом. Территориальная стигма дополнительно маргинализирует их уже депривированных обитателей независимо от других характеристик их социального статуса. Жилье является важной составляющей качества жизни, а поскольку качество и уровень жизни не совпадают, депривация по жилью и по доходам рассмотрены как автономные компоненты низкого качества жизни, что не ограничивает жилищную депривацию границами андеркласса.

Информационная база исследования. Использовались открытые статистические данные, в основном Росстат (gks.ru), Калугастат (kalugastat.gks.ru), ЕМИСС (fedstat.ru/), данные службы РИА Рейтинг; Евростат и ООН-Хабитат; несгруппированные специализированные данные официальной ведомственной статистики; сгруппированные данные правовой статистики; специализированных тематических порталов; официальных органов власти РФ, КО и МО «Город Калуга». Доступ к отдельным ресурсам был получен через подачу официальных запросов (Калугастат: Калужский и Тарусский ЦЗН; Избирком по КО и ряд учреждений социальной защиты). Значительная доля данных получена из СМК, соцсетей, популярной кинопродукции.

Эмпирическая база исследования сформирована в основном путем выполнения работ по грантам РГНФ-РФФИ.

2005, № 05-03-59309 а/Ц, «Бомж и безнадзорный: объект и субъект общественного мнения как доминанты его направленности». Опрос 35 экспертов. Сплошной контент-анализ всех 24 региональных СМИ за период 2003-2005 (таблица 1 в Приложении 1). Эксперимент по методике re-test А.Ю. Мягкова на 6 группах равного объема (по 10 чел.). Репрезентативный для разных типов жилья опрос 280 калужан, включая 20 бездомных.

2007, № 07-03-59316 а/Ц, «Благотворительность в системе социальной поддержки и мобилизующая функция массовой коммуникации». Механический

с шагом 700 по телефонному справочнику за 2006 г. опрос 200 горожан как благотворителей воспроизведен в 2013 г. в г.Таруса КО по смешанной территориальной выборке методом маршрутного интервью, n=100. Опрос 45 сотрудников трех калужских детских домов. Серийный (гнездовой) отбор 3 целевых учебных групп (n=67) для проведения анкетирования, социометрии (Д. Морено) и теста САН (В.А. Доскин и др.). Натурный эксперимент, включавший «борьбу со стигмой» (см. § 2.1).

2009, № 09-03-59313 а/Ц, «Современные городские трущобы: социальный портрет и образ жизни обитателя (на материале Калужской области)». Реконструировано социальное представление о трущобах путем стратифицированного телефонного опроса (n=42, страта – административный округ) по выборке методом сложения дисперсий (групповых средних и средней внутригрупповой дисперсии), составившего 0.02 при N = 296 926, экспертных оценок (n=25), сплошного анализа (с последующим Mystery Shopping) всех объявлений (n=109) в рекламных изданиях региона о продаже комнат (в 2017 г. повторный анализ включил сегменты отдельных квартир и частных домов), осмотра выявленных адресов. Оценено состояние жилого фонда (126 единиц) в составе ОКН Калуги. В ходе поквартирного опроса жителей трущоб (таблица 2 в Приложении 2) рекрутировались участники эксперимента, оценивавшего однородность социальных связей (3 участника на входе и 42 анкеты на выходе). Тестирование эффектов жилищной рекламы (21 испытуемый).

2011, №11-13-40003 а/Ц, «Особняк и трущоба. Рискогенная жизненная среда как итог и фактор социальной стратификации: от диагностики к управлению рисками». Эмпирические объекты – жители городских и пригородных микрорайонов; документы, отражающие процессы формирования рисков аллокации (таблица 3 в Приложении 3). Структура выборки для сравнения особняков и трущоб – в таблице 4 в Приложении 4.

2012, №12-13-40012 а/Ц, «Социальная изоляция и динамика социального дна (на примере организаций «карцерного» типа в Калуге)». Телефонный опрос общественного мнения по проблемам динамики «социального дна» (n=300); личное раздаточное тест-анкетирование аутсайдеров в условиях улицы и сепарации в ГУСО (n=166, структура в таблице 5 в Приложении 5).

2013, № 13-13-40003 а(р), «Пригородный образ жизни в современной российской провинции: социальная база, проблемы и перспективы развития». Опрос по многоступенчатой (сторона света; населенный пункт; домохозяйство) стратификационно-типологической выборке (n=214, структура в таблице 6 в Приложении 6), сформированной с учетом прироста/убыли населения 2010 к 2002 (см. таблицу 7 в Приложении 7).

2015, № 15-13-40601 е(р), «Социальные факторы сохранности исторической памяти как основы территориальной идентичности локальных городских сообществ». Основная часть результатов получена в ходе данного проекта, базу которого составил опрос (n=1536). Выборка репрезентативна и для территориального размещения населения (таблица 8 в Приложении 8), и для его социально-демографической структуры (таблица 9 в Приложении 9). Исследование проведено методом личного маршрутного интервью с постоянными жителями попавших в выборку домов.

2016-2017, № 16-13-40002 а(р), «Типы жилищной депривации населения Калужской области: уровни, источники, последствия». Проверялись отдельные гипотезы о связи жилищной депривации со стигмой и их маргинализационного воздействия.

Протестирована территориальная идентичность 55 студентов-первокурсников в общежитии и родительском жилье. Экспериментально оценена связь ольфакторной чувствительности с краудингом (целиком валидных наблюдений 216). В процессе контент-анализа 56 экспериментальных текстов была проведена сверка ментальных карт «страшных пространств» у студентов в разных типах жилья с выведенными индуктивно из материалов СМК. Проверка на серийно-типологической выборке (n=113) связи между типом жилья, лояльностью к городу и владением его топонимикой.

Историко-социальный анализ застройки территорий, социальных типов жителей для 45 выявленных методом снежного кома топологических конструктов путем дискурс-анализа «пространственных» нарративов виртуальных «территориальных групп» в социальных сетях. Интервью с 36 жителями ОКН. Контент-анализ репрезентаций типов жилья и жилищных ситуаций в 1472 образцах современной кинопродукции.

Анкетирование получателей надомных услуг всех КЦСОН КО (2017, n=1505, выборка районированная типологическая), сопоставление с аналогичным анкетированием в стационарных и полустационарных ГУСО 2016 г.

Повторный опрос (n=379) жителей ТОС с ярко выраженной стигмой. В невероятностной выборке 2016 года сохранялись единицы наблюдения из вероятностной выборки 2014 года, и по принципу split-ballot отбиралось равное количество проживающих на тех же улицах, но в жилье разного качества. При равном числе респондентов внутри ТОС подбирались предельные случаи (современный многоквартирный дом с комфортабельными квартирами и деревянный барак, оба рядом с кладбищем).

Научная новизна диссертационного исследования определяется концепцией жилищной депривации как стигматизированной жилой среды с высокой концентрацией риска, представленной как результат и фактор макро- и

микропроцессов социальной стратификации, воспроизводящей и углубляющей социопространственную маргинальность.

Понятие «жилищная депривация» опирается на его дефиниции в зарубежной социологии и отражение в методиках Евростата как автономного по отношению к финансово-экономической депривации вида лишений. Она рассмотрена с позиций абсолютного и относительного подходов, с объективной и субъективной сторон, как многоуровневое образование, формируемое не только экономическими, но и внеэкономическими факторами и само углубляющее неравенство. Жилищная депривация включает первичный уровень – абсолютное измерение (наличие и качество жилья, не позволяющие удовлетворять базовые потребности), вторичный уровень – относительное измерение (подавление иных потребностей, вызванное именно характеристиками жилищной ситуации) и их психологическую проекцию (ойкофобия).

Новизна определятся также следующими результатами, полученными автором при решении поставленных исследовательских задач.

1. Депривация, стигма и маргинальность характеризуются в рисколо-гическом контексте как совокупность опасностей и угроз возможности удовлетворять витальные, социальные и духовные потребности как самого депривированного субъекта, так и его социального окружения. Определена структура риска как свойства жилищно-территориальной среды социального субъекта.

2. Жилище в комплексе с территорией его размещения представлено как социальный институт, как объект владения или пользования, как социокультурная ценность, объект привязанности или «борьбы», источник угрозы, составляющий ядро территориальной идентичности.

3. Самостоятельность феномена жилищной депривации обосновывается рассогласованием финансового и внефинансовых факторов в условиях сосуществования рынка жилья с остатками государственно-распределительной системы; анализируется ойкофобное состояние как субъективная сторона жилищной депривации и как маркер деструктивной жилищной культуры.

4. Теории стигматизации И. Гофмана, «новой городской маргинальности» Л. Вакана, замыкания габитуса П. Бурдье, фронтира Ф.Дж. Тернера-З. Баумана и современных ученых Сибири дополнены концепцией символического маркирования членами социально-территориальной общности границ ареалов высокой концентрации интерсубъективного риска и «управления» этим риском.

5. Разграничены социальное и жилищное дно; жилищное дно и низший жилищный класс. Бездомные и городской «андеркласс» рассматриваются не как личности с девиантной направленностью, клиенты социальных служб и объекты социального воздействия, а как часть общей системы жилищной стратификации, составляющие, наряду с обитателями институционального жилья

и гражданами, занимающими не принадлежащие им жилые помещения, жилищное дно.

6. Рассмотрены малоизученные вопросы о специфичных для пригорода проблемах и рисках, социальной обусловленности и мотивации субурбанизма, социальных типах пригородных поселений и жителей пригородной зоны в России. Выводятся основные характеристики субурбанизма как образа жизни, формирующего общие для различных слоев населения субурбий черты «жилищного менталитета».

7. Тип жилья и права на него как традиционно выделяемые основания жилищного статуса дополнены инвайронментальным критерием и критерием личной безопасности проживания, что позволило не только типологизировать жилищную депривацию, но и верифицировать ее связь с рисками проживания, выделить внутренне однородные и структурно автономные жилищные сегменты.

8. Выявлены места высокой концентрации рисков: исторический центр, пригород и ряд вернакулярных районов с негативной репутацией, что позволяет считать стигму индикатором объективных социальных проблем и социального бедствия. Осуществлена концептуализация жилищно-территориальных систем «трущоба» и «особняк»; проведен их сравнительный анализ и сегментация населения трущоб, доказана их социальная неоднородность и несводимость к деклассированным элементам. Обоснован постулат о различном уровне субъективной личной безопасности как компоненте жилищного неравенства.

9. Поселенческая структура российского пригорода анализируется с точки зрения соответствия классическим признакам субурбанизации и типологии субурбий, созданных западными авторами. Определяются перспективы субурбанизации как средства решения жилищной проблемы исходя из социально-демографической, социально-экономической однородности городских естественных зон, надежд и планов жителей по улучшению жилищных условий. Эмпирически доказывается возможность рассматривать и использовать в классификационных и прогностических моделях риск как дискриминанту жилищного и социально-территориального статуса.

10. Краудинг рассмотрен как обязательная, закономерная характеристика депривационной жилищной ситуации общежитий, коммунальных квартир, институционального жилья, детерминирующая патологии социальных контактов и взаимодействий. Социобиологическая природа краудинга доказывается исходя из единства филогенетического и онтогенетического развития человека, в том числе в культурной сфере, на документальных, экспериментальных и опросных материалах.

11. В качестве системного источника депривации рассматриваются правовые лишения или ограничения доступа к жилью и несегрегированному проживанию в комплексе с общественными установками и практиками социальной поддержки/отвержения, с механизмами стигматизации и самостигматизации.

12. Предложена классификация территориальной стигмы, экспериментально подтверждено сильное влияние стигмы на социальное самочувствие и территориальную (дез-)идентификацию жителей; выделены этапы «трущобообразования» и функции трущоб, обеспечивающие их историческую преемственность.

13. Прослежено формирование культурной ойкофобии, подкрепляющей индивидуальную дедоместикацию личности: доказана связь «киноужаса» с субурбанизацией и приватизмом, со сверхпотреблением, которые, согласно расчетам автора, достигли критической массы одновременно с накоплением во времени негативных репрезентаций дома в период с 1970 до 1989 года.

14. Впервые поднимается тема объектов культурного наследия как жилищно-территориальной системы. Определяется связь негативной территориальности с мобилизационным потенциалом стигматизированных локальных сообществ, выявляются условия его сохранения и источники компенсации стигмы.

15. Опровергнута гипотеза о постепенном изменении личностных установок в более благоприятной жилищно-социальной среде, доказано, что девиации клиентов интернатных учреждений тормозятся путем принуждения, связанного с неотступным социальным контролем и деперсонализацией носителя стигмы.

16. Территориальная стигма рассмотрена как экономический, демографический, символический фактор деградации и депопуляции населенных мест; доказана эвристичность сегментации городского пространства с учетом престижа, динамики количества стигматизированных районов и численности их населения как методического инструмента диагностики социально-экономического благополучия конкретного населенного пункта и региона.

На защиту выносятся следующие положения.

1. Опасность как свойство жизненной среды характеризует структурно-позиционную маргинальность, которую сопровождает депривация как набор конкретных лишений. Группы с маргинальными позициями в социальной структуре избирательно подвержены рискам чаще других. Приспособление к рискогенной среде порождает ролевую маргинальность как членство в девиантных группах. Опасность, девиантность, аномалия закрепляются в глазах внешнего наблюдателя за зоной риска как ее неотъемлемый атрибут в результате комплексной стигматизации субъекта и среды. Интериоризация риска

субъектом, углубление его депривации, обретение стигмой качества интерсубъективной культурной формы закрепляет культурную маргинальность «зоны риска» и принадлежащего ей субъекта. Природные, экологические, технико-технологические, социальные группы локальных рисков определяют специфику и качество жизни разных жилищно-территориальных сегментов. Приоритетность повышения качества публичных пространств, игнорирование ближайшего жилого пространства личности в современной жилищной и градостроительной политике усиливают социальную напряженность, делая риск объективной мерой жилищного неравенства.

2. Обеспеченность недвижимостью – важный стратообразующий фактор, в том числе с точки зрения безопасности жилой среды. Функциональная неполнота, невозможность выбирать модели поведения, контролировать свое окружение, несоответствие протекающим в нем взаимодействиям, непредсказуемость, краудинг делают жилищную депривацию как объективно опасную и субъективно рискогенную жилищную ситуацию постоянным свойством отдельных типов жилищ и размещения. Предлагается выделить абсолютный и относительный уровни жилищной депривации (подавление базовых потребностей ввиду недоступности жилья, подавление иных потребностей из-за качества имеющегося жилья), а также сопровождающую их ойкофобию как набор патологий восприятия дома и дисфункций жилищной культуры.

3. Субъективным выражением жилищной депривации является ойкофобия как расстройство восприятия дома. В узком смысле это рациональные или иррациональные страхи, связанные с собственным жильем, как прямое отражение рискогенной жилищной ситуации (опасностей), отвращение к жилищу, чувство унижения и безнадежности в оценке жилищной ситуации и ее перспектив. В широком смысле под ойкофобией подразумеваются: 1) дедоместикация личности (отчуждение от дома и избегающее поведение, обесценивание семейной, узкой домашней приватности); 2) тревожно-напряженное ожидание несчастий и отсутствие уверенности в наличии безопасных, защищенных пространств; 3) развенчание образа дома в массовой культуре.

4. Совокупность знаков, обрамляющих зоны риска, образует эмоционально насыщенный фрейм опасного пространства, или территориальную стигму. Объективно за стигмой стоит рискогенная жилищная ситуация (жилищная депривация): концентрированное социальное бедствие, подкрепленное низким качеством человеческого потенциала. Стигма ведет к удешевлению недвижимости, усугублению дискриминации и сегрегации ее владельцев и пользователей, к развитию у них приспособительного девиантного поведения. Главным результатом стигматизации территорий становятся развитие комплексной негативной территориальной идентичности жилищно-депривированных слоев и их вторичная маргинализация.

5. Выравнивание финансовой и жилищной состоятельности, которое ранее сдерживалось сохранением у большинства жилья, полученного по советской раздаточной модели жилищной политики, ведет к расширению явной и латентной бездомности. Латентная бездомность охватывает жилищные сегменты обитателей институционального жилья; «трущоб»; приспособленных под жилье нежилых помещений; средств коллективного размещения; арендаторов единственного жилья. Эффектами сепарации, инкарцерации и геттоизации «дна» становятся краудинг, подавление субъектности и деперсонализация, режим групповой хронической эксклюзии и стигматизация всего жилищно-территориального сегмента как мест обитания «подонков общества».

6. Специфику субурбанизации в России определяет низкий уровень жизни населения, и потому ее основным источником являются депривации различных видов. Факторы – рост свободного времени при невысоком уровне жизни, исключающем далекие путешествия и переезд; сдвиг к кочевому укладу; «почвенничество» и эсхатологизм; давление государства и недоверие его институтам, альтернативой которым становится пригородная «фронтирность». Почти нет академических кампусов и классических фавел, хотя «трущобы» распространены в агрогородах и рабочих поселках. Универсальные элементы субурбанизма – пространственно-временная дискретность, сезонность, зависимость от городских ресурсов и стремление к автономии, приватизм, включая праздность и не-участие, повышенную ценность семьи, дома, социально однородного соседства.

7. К основным характеристикам жилищной стратификации – типу жилья и праву собственности на него – следует добавить инвайронментальный компонент и критерий личной безопасности. Благоприятность, комфорт окружающей среды детерминирует и благоустроенность жилища. Рискогенность среды – характеристика жилья и фактор лояльности к месту проживания. Основные типы жилищной депривации – бездомность, институциональность, коммунальность, ветхость и аварийность, деградация, депопуляция, изоляция населенных мест. «Жилищное дно» составляют бездомные, сквоттеры, обитатели нежилых помещений, заключенные. Низший жилищный класс представлен обитателями «учрежденческого» жилья и трущоб. Минимальную долю населения страны, испытывающего абсолютную жилищную депривацию, исходя из типов жилых помещений, можно оценить в 6% населения, для ЦФО в 6%, для Калужской области в 12%. При включении социопространственной меры неравенства эта доля растет до 48%.

8. Жилищная депривация – экзистенциально и социально опасная жилищная ситуация, негативно влияющая на самочувствие, поведение, адаптацию личности. Снижение инвайронментального качества жилища порож-

дает локальные риски. Риск конструируется горожанами, но имеет объективные последствия, влияя на их территориальное поведение. Риски взаимодействуют и концентрируются в конкретных участках физического пространства. Неравенство в распределении объективных опасностей, угроз и ущерба маркирует жилищный класс и социальное положение в целом. Социальный состав и сети социальных связей полярных жилищных классов формируются на основе сегрегационного эффекта замыкания габитуса, который наглядно выражает преобразование социального пространства в физическое. Самосохранительное поведение сверхобеспеченных и обделенных различно, но иррациональная, навязчивая тревожность характерна и для особняков. Сочетание высокого качества человеческих ресурсов и концентрации социального бедствия обладает высоким потенциалом социального взрыва.

9. В территориальном аспекте для всех маргинальных групп по сравнению с большинством характерны: сегрегированность, измененная пространственная среда, снижение роли домашних ценностей в системе жизненных ориентиров, повышенная территориальная мобильность и занятие в системе расселения «периферийных» в географическом смысле и «маргинальных» в социально-символическом смысле пространств и территорий. Наиболее рискогенными участками городского пространства объективно оказываются исторический центр и пригородная зона. Город и пригород дифференцируют жилищно-бытовые условия, риски, уровень престижа, паттерны территориального поведения. Безопасность – одна из важнейших переменных социального статуса, основа размежевания жилищных классов, важный показатель качества жизни социально-территориальных общностей. Системообразующее свойство жилищной депривации – утрата жилищем защитной функции. За страхами горожан можно признать способность довольно точно отображать реальную ситуацию с безопасностью.

10. В ойкофобном состоянии доминируют страх, типически связанный с одиночеством, пустотой, изоляцией, чувством бессилия, и отвращение, связанное с краудингом, нарушением субъектности и агрессией. Краудинг не лимитирован возрастом и исторически универсален. Преобразуя потребность в приватности в нездоровый приватизм, он ограничивает идентификацию с местом жительства и соседством, формируя абсентеизм и выраженную установку на выездную миграцию. Главной причиной является не размер помещения и не количество в нем людей, а нечеткость и несоблюдение границ, поэтому особенно опасен краудинг в сочетании с ограничением произвольности поведения, невозможностью покинуть и переструктурировать дискомфортное, опасное пространство, не вступать в нежеланные взаимодействия.

11. Жилищная депривация – это и состояние лишенности адекватного жилья, и результат воздействия внешних случайно-вероятностных и целенаправленных процессов, в том числе в правовой сфере. В основе жилищной депривации правового генезиса лежит коррупция, формирующая целый спектр нарушений прав и свобод человека. Производным эффектом является рост агрессии и массовой преступности. Социально незащищенные чаще всех подвергаются виктимизации вследствие преступлений в жилищной сфере, а также дискредитации и бытовой дискриминации в деятельности институтов социальной зашиты, занятости, ЖКХ, территориального управления, СМИ, прикладной науки, общественного мнения. Индифферентность властей и СМИ сопровождается общественной поддержкой самых жестких управленческих мер в отношении социального дна и способных его пополнить социально незащищенных, которые являются главным объектом социальных страхов.

12. Стигма медиазависима и мифологична, связана с жилищной депривацией и с лояльностью к городу и району. В стигматизированных районах стремление улучшить жилищные условия зависит не столько от качества жилья, сколько от территориальности жителей. Чем хуже воспринимаются район и город, тем чаще за стремлением активной, образованной, обеспеченной части жителей улучшить жилищные условия стоит желание покинуть район и город. До их массового исхода стигматизация обратима. Она необратима лишь тогда, когда большинство не может покинуть район из-за низкого качества жилья. За счет исторически универсального и устойчивого процесса вытеснения депривированных, дискриминированных, стигматизированных горожан за пределы центра как средоточия экономической, культурной, социальной жизни стигматизируется и доступная им территория.

13. В разных регионах связь удовлетворенности жильем и вовлеченности в процесс потребления массовой коммуникации разная по силе и знаку при низком и высоком качестве жилищных условий. Выявленный вклад СМК в неудовлетворенность жильем объясняется не столько сравнением с референтной группой и навязыванием стандарта сверхпотребления, сколько дискредитацией самого потребительского стандарта дома в современной «ойкофобной» культуре, сформировавшейся к началу 1990-х г.г. За негативизацией образа дома и его проекцией на реальное жилье стоит генерализованная тревога за собственность и личную безопасность, а ее массовизации способствуют коммерческое ТВ и хоррор-индустрия.

14. Подозрительно-настороженное отношение к дому, проекция потребительской аномальности на обитателя охватывает прежде всего исторический центр и пригород. Аномалии негативно стигматизированных территорий – изоляция, удаленность, безлюдность или перенаселенность, загрязнение,

криминализация – сообщают жителю негативные ярлыки и окружают его ореолом тайны. Исторический центр сочетает стигму трущоб и стигму сакральности. В условиях низкого качества жизни обитателей ОКН и ротаций населения исторического центра, угрозы физической сохранности памятников территориальная идентичность размывается и приобретает негативный знак. Единство места жительства не формирует общности, что сильно различает обитателей исторического центра и пригорода, мобилизационный потенциал которых много выше. Общие угрозы консолидируют локальное сообщество, повышают эффективность деятельности ТОС, но снижают привлекательность пригорода для автохтонов, которые стремятся его покинуть.

15. Состояние социального дна свидетельствует о качестве жизни региона, о перестройке социальной структуры, уровне преступности, интенсивности миграций, занятости и демографической ситуации. Смертность и заболеваемость снижают учреждения социальной защиты, препятствуя вовлечению в преступную деятельность и виктимизации бездомных, сирот, пенсионеров, инвалидов. Но инкарцерация вызывает резкий рост склонности к отклоняющемуся поведению. Групповая изоляция в карцерных организациях зачастую реабилитирует детей, но «геттоизирует» взрослых. Социальная напряженность и риски в «большом обществе» снижаются, а дезинтеграция социального дна растет.

16. Проживание на стигматизированных территориях можно считать видом жилищной депривации, способным самостоятельно вызывать неудовлетворенность жильем и миграционный отток. За волной продаж следует деградация и депопуляция стигматизированной территории. Стигма «заражает» окрестности, становясь фактором депопуляции территорий на уровне кластеров поселений, в первую очередь городских (от стигмы как таковой сильнее стремится избавиться более благополучное население). Ее вклад в демографию на уровне личности слаб (14%), но на уровне локальных сообществ доходит до 60%.

Теоретическая значимость работы. Концепция жилищной депривации, основанная на рискологическом анализе города, дополняет представления о неравенстве, о факторах социальной эксклюзии. Значительное количество аналогий в территориальности лиц с полярным качеством жилья открывает широкую перспективу для сравнительных исследований маргинальных слоев России. Безопасность неравномерно распределена в социальном и физическом пространстве, что связывает рост катастрофизма с ростом жилищно-депривированного населения, деградацией и депопуляцией территорий, увеличением доли ойкофобных репрезентаций дома в потоках массовой коммуникации. Механизм формирования культурной ойкофобии на фоне общей онтологической

тревоги проливает свет не только на состояние системы социокоммуникативных институтов как средства подкрепления глубинной неудовлетворенности жизнью и утраты чувства защищенности, но и на процесс формирования стигматизированных пространств, расположение которых часто исторически устойчиво. Количественно измеренный вклад системы СМК в удовлетворенность жильем и формирование ойкофобии требует отказаться от сведения проблемы депривации к сравнению с референтной группой и завышенному потребительскому стандарту. Доказано, что подавленную потребность в приватности можно рассматривать как объективную подоплеку роста в обществе агрессии, абсентеизма, интолерантности, как фактор субурбанизации и дезурбанизации.

Практическая значимость работы. Полученные результаты важны для прогнозирования регионального развития, пространственной неоднородности, жилищной дифференциации, потребности в жилье, демографического дисбаланса, эффективности жилищной и градостроительной политики, комплексной безопасности территорий: вероятность протеста можно оценить как производную от глубины и широты депривации и сужения набора совладающих практик. Результаты применимы в лекционных вузовских курсах, программах повышения квалификации муниципальных служащих.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Выбранная тема и содержание исследования соответствуют паспорту специальности 22.00.04–социальная структура, социальные институты и процессы: 1.Различные критерии социальной стратификации. 2.Одномерность и многомерность стратификации. 3.Групповая социальная дистанция. 4.Критерии социально-экономической дифференциации. 5.Основные пути формирования новой социальной структуры. 7.Процессы углубления социального неравенства и их динамика. 8.Историко-теоретический анализ формирования новых социально-групповых общностей, их взаимодействия и иерархии. 11.Социальная динамика и адаптация отдельных групп и слоев в трансформирующемся обществе. 17.Проблема маргинализации населения России; понятие «маргинальный слой». 19.Богатые и бедные в России. 21.Роль социальных институтов в трансформации социальной структуры общества. 25.Социальная мобильность в современной России. Различные стратегии адаптационного поведения людей. 31.Здоровье населения в социальном контексте. 33.Субъективный аспект социальной стратификации. Социальная идентификация, ее основные виды: социально-групповая, социально-слоевая идентификация. Типы идентификационного поведения.

Апробация работы и использование ее результатов осуществлены в учебной, исследовательской, экспертно-консультативной и публикационной формах.

Отдельные результаты использованы в модуле «Социальная антропология города» (КГУ им. К.Э.Циолковского, 2018).

Научные отчеты и рекомендации предоставлены: правительству КО по проектам РГНФ-РФФИ; Министерству труда и социального развития КО по итогам анкетирования получателей услуг КЦСОН КО (2017).

Участие автора в разработке инструментария и проведение в Калуге полевого этапа исследования потребителей контрафактного алкоголя Центром социального проектирования «Платформа» (Москва) подтвердило устойчивость границ стигматизированных ареалов.

Отдельные материалы обсуждались на конференциях, в том числе всероссийских и международных: 2010 – филиала РГГУ в Калуге «Проблемы страны и региона в эпоху глобализации»; 2012 – Пермского госуниверситета «Актуальные проблемы экономических, юридических и социально-гуманитарных наук»; 2007 и 2009 – ИНИОН РАН «Россия: ключевые проблемы и решения»; 2012 – СПбГПУ XLI «Неделя науки»; 2016 – Российско-германской конференции филиала РПА Калуги и Правительства КО «Проблемы правового регулирования миграционных потоков в России и Европе: региональный аспект»; 2019 – Ягеллонского университета-Исследовательского центра Facta Ficta в Кракове «Paradygmaty traumy».

По теме опубликовано 44 работы общим объёмом 56,84 п.л.

Объем и структура диссертации. Работа состоит из введения, четырех глав, содержащих 16 параграфов, заключения, списка литературы, 78 таблиц, вынесенных в приложения. Библиография – 673 единицы. Объем – 647 с.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ излагает программу исследования, положения, выносимые на защиту, научную и практическую значимость результатов.

В первой главе – **ЖИЛИЩНАЯ ДЕПРИВАЦИЯ И ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ СТИГМА В КОНТЕКСТЕ СОЦИОЛОГИИ РИСКА И БЕЗОПАСНОСТИ** – автор раскрывает методологию исследования, обосновывая самостоятельность жилищной депривации (далее ЖД) концепцией жилищного класса и пространственными страхами.

В параграфе «***Производство маргинальности: риск, депривация, стигма»*** категория маргинальности погружается в поле социологии риска. «Маргинальность», «депривация» и «стигма» описывают различные стороны риска: как ущерба и вреда (депривации); как неопределенности (маргинальность); как сигнала опасности (стигма). Ригидность, деперсонализация, краудинг, неуправляемость среды как набор лишений ухудшают самочувствие, подавляют субъектность, патологизируют отношения, обедняют социальные

практики. Стигма – коммуникативная репрезентация лишений, наблюдаемых как совокупность знаков. Устойчивое свойство среды быть опасной – следствие социального неравенства и (дис-)функция социальных институтов, а для субъекта – сущность депривации, обусловленной позиционной маргинальностью и обусловливающей маргинальность ролевую и культурную.

В параграфе ***«Риск как свойство жилищно-территориальных систем»*** из оппозиции приватности/приватизма и производных понятий автономии и краудинга, на которых основаны механизмы (само-)изоляции, выводятся парадигматические модели благоприятной жизненной среды: ориентированные на первичные или вторичные пространства, на стратегию повышения качества жизни или избегания риска. Современная модель ориентирована на внедомашние общественные пространства, игнорируя проблемы, с которыми личность сталкивается как носитель жилищно-территориального статуса, что обусловливает неравномерность распределения рисков в физическом и социальном пространстве.

В параграфе ***«Рискогенная жилищная ситуация как сущность объективной жилищной депривации»*** трактовка жилья как социального института, социокультурной ценности, основы личной безопасности и части образа «Я» обосновывает автономность и объективность жилищной депривации. Поляризацию по жилью, большую в сравнении с поляризацией по доходам, выражает соотношение особняков и трущоб с их предельными значениями качества, плотности заселения, престижа. Дополнительные маргинализующие эффекты субъективно и объективно опасного жилья определяются дисфункциями владения и эксплуатации, хранения материальных ценностей, маркера жизненного успеха, условиями физического восстановления; средствами социализации и гармонизации климата домохозяйства.

В параграфе ***«Ойкофобия как сущность субъективной жилищной депривации»*** представлен эффект функциональной бедности жилища – дедоместикация: отчуждение от дома и его обесценивание. Такой жилищный менталитет и быт отклоняются от нормы; рост массы неадекватного жилья увеличивает девиации; социокоммуникативные институты оформляют страхи в четкий негативный медиаряд. Факторы ойкофобии – высокий технический износ и негодность жилья, перенаселенность, неполнота жилищных прав, изоляция, коммерциализация страха индустрией масскультуры. Тревогу усиливает неконтролируемая среда, типичная при дефиците жилищных прав, краудинге, подавлении субъектности.

Вторая глава – **ВТОРИЧНАЯ МАРГИНАЛЬНОСТЬ И ЕЕ ЭФФЕКТЫ** – прослеживает процесс маргинализации под влиянием ЖД.

В параграфе ***«Территориальная стигма как концентрация риска и негативная территориальная идентичность»*** анализируются фреймы

страшного пространства. Конвертация видов капитала встраивает географическое место в социальные структуры. Дефицит или избыток ресурсов формирует символический капитал места. Признаки технической и экологической, криминальной, эпидемиологической, «магической» угрозы маркируются конвенциональными знаками. Стигму от непрестижности отличает шокирующее впечатление от проживания в мифологизированном, «нечеловеческом» в данной культуре, месте. Стигма влияет на удовлетворенность жильем, ценообразование, социальные взаимодействия, запускает депопуляцию, превращаясь в самостоятельный вид жилищной депривации.

В параграфе ***«Изоляция и геттоизация «дна» как управление риском и ее маргинализующие эффекты»*** обсуждается структура «дна». Антитрудовые, асоциальные, эскапистские установки его ядра формируются микросоциальными факторами, периферии – макросоциальными. Ядро стабильно, а периферия в кризис растет, «донные» и «придонные» сегменты ротируются, неимущие утрачивают жилищное благополучие, усваивая образ жизни, установки, модели поведения ядра. Большинство реагирует замыканием среды социального общения и репрессивными установками. Высокодоходное население огораживается. Низкодоходное приветствует геттоизацию «дна» в карцерных организациях с их тотальным контролем, иерархичностью, изоляцией, отсутствием жилищных прав и приватности.

В параграфе **«*Субурбанизация и субурбанизм как управление риском и их маргинализующие эффекты»*** прослежена концентрация жителей в развитых субурбиях и деградация периферийных. Упадок инфраструктуры и экономики обесценивают недвижимость, притягивая жилищное дно и низший жилищный класс. «Дачное движение» протекает как ложная урбанизация за счет сезонности и нежилого характера «второго жилья». Коттеджная застройка «новых» субурбий на базе инфраструктуры поселков городского типа и сел провоцирует конфликты, демографический спад и стигматизацию «внутреннего города». Различия жизненных стилей пригорода выражает его архитектурная и функциональная неоднородность. Изоляция, пространственно-временная дискретность, низкое качество жизни стигматизируют пригороды независимо от экономического благополучия.

В параграфе ***«Эмпирические типы жилищной депривации: сегментация населения и объем сегментов»*** набор признаков типа жилья и прав, благоустройства, меры оседлости, качества окружения и личной безопасности проживания продлевает жилищную лестницу и снижает границу благополучия. Основные типы жилищной депривации: явная и латентная бездомность; институциональность; коммунальность; износ и неблагоустроенность; вынужденный номадизм; деградация, депопуляция и стигматизация поселений; дефицит и избыток площади. Низший жилищный класс, располагая худшим в данной

системе стратификации жилищем, включен в нее наличием жилищных прав. Отличие «дна» – невозможность резидентной идентификации (нет индивидуально определенного жилого помещения, прав свободно перемещаться, эксплуатировать, благоустраивать жилье, включаться в институциональные взаимодействия). Верифицирована связь жилищной депривации, негативной территориальной идентичности, рискогенной среды и ложной урбанизации. Считающие населенный пункт опасным чаще оценивают очень низко качество жилья (0.332, знач. 0.002), окрестностей (0.400, знач. 0.000), а нужду в жилье как острую (0.308, знач. 0.005). Выявление латентной структуры факторов развития сельскохозяйственных некоммерческих объединений с включением в модель переменных дохода, жилья, досуга и занятости показало, что главным стимулом развития огороднических объединений являются проблемы занятости, а дачнических – проблемы жилья. Те, кто не имеет средств не только на отдельное жилье, но и на комнаты, приобретают дачи. Поэтому субурбанизация часто носит характер ложной урбанизации.

В третьей главе – **ЖИЛИЩНАЯ ДЕПРИВАЦИЯ КАК СЛЕДСТВИЕ РИСКОГЕННОЙ ЖИЗНЕННОЙ СРЕДЫ** – показано, как риск маркирует «естественные зоны» и типы жилья, а тревожность распределяется в пространстве.

Аллокативные риски, – утверждает автор в параграфе ***«Локальные риски как индикатор качества жилищных условий»,*** – концентрируются в историческом центре, пригороде и «внутренней периферии». Для всех групп населения удельный вес рисков территорий намного выше, чем рисков жилищ. Элита чаще рискует имуществом, предотвращая экзистенциальные угрозы еще за пределами дома. Для низшего жилищного класса специфичны последствия в виде дезадаптации (связи, отношения, роли). Тревожность вытекает из объективного расслоения по рискам жизненной среды.

В параграфе «***Особняк и трущоба. Субъективная личная безопасность»*** анализируются экстремумы поляризации. Особняки и трущобы сближают обособленность, стигма, антиурбанизм, ойкофобия, иррациональное антирисковое поведение. Жители трущоб даже дома не ощущают безопасности. Жители особняков акцентируются на безопасности имущества. В особняках бессонница и подавленность вызваны внутренними причинами, в трущобах внешними. Трущобы склонны к фатализму, особняки – к провокации риска. На основании сочетания значений индексов человеческого развития и социального бедствия выделены четыре кластера жилищных ситуаций с разным уровнем социальной напряженности: одинаково высокого, одинаково низкого социального и жилищного благополучия и два несбалансированных. Высокий уровень благополучия характеризует пригородные особняки, некоммунальные квартиры ОКН и «сталинки»; низкий уровень формирует культуру бедности в

«хрущовках», старых общежитиях коридорного типа, в институциональном жилье. Люмпенизация охватывает уроженцев ОКН, пригородных сел, проживающих в коммунальных квартирах сталинской эпохи, лиц без определенного места работы, лиц без определенного места жительства и занятий. Ситуация, грозящая социальным взрывом, – относительно высокий индекс человеческого развития на фоне острого социального бедствия, что типично для новых общежитий, ветхих и неблагоустроенных коммунальных квартир поздней советской эпохи.

В параграфе ***«Совокупность естественных зон»: социальный портрет города и пригорода»*** выявляются дискриминанты исторического и молодого центра, окраин и пригорода. Домохозяйства калужских субурбий старше, «болезненней», беднее, пессимистичней. Нужной для развития классических буржуазных пригородов социально-экономической базы сегодня нет. Население толерантно к низкому качеству жилья, избегает займов. Доля тех, кто может улучшить жилищные условия, – 6% от всей городской выборки. Прирост населения искусственный, а жизнеспособность пригорода поддерживает только миграция, доля автохтонов – 25-35%. Треть – дачники, треть – мигранты на этапе переселения в центр. Пригород становится фильтрационно-адаптационной площадкой, но поток во внутренний город интенсивней. В результате пригороды деформируются и стягиваются к внутреннему городу; частично модернизируясь, частично «фавелизируясь» за счет дачников.

В параграфе ***«Генерализованная тревожность» или неравенство в безопасности»*** анализируется адекватность рисков: а) разных ареалов города; б) разных типов жилищ. В объективной безопасности живет до 57% горожан, но 33% ее ощущают, а 24% переоценивают риски. 43% жителей тревожатся из-за реальных проблем: в ветхом и неблагоустроенном жилье, в плохой экологии. Повсеместен страх перед девиантным соседством, обоснованный, главным образом, риском реальной пожароопасности. Специфические страхи классифицируют качество жилья, уровни жизни, зоны города: в пригороде – иммиграция, нищета, безработица и пожар; в молодом центре – асоциальное соседство; в историческом – экология и санитария. В норме разность между рисками вне и внутри жилища должна быть положительной, иначе дом не справляется с защитой, что патологично. Выделены два кластера: 1–риски внешние, дом не вызывает опасений (776 человек); 2–город и микрорайон безопасны, а жилье – средоточие угроз (779 человек). От итогового *Баланса рисков* зависят: здоровье, срок незанятости, детность, общественная активность, субъективные финансовое и жилищное благополучие. Абсолютная жилищная депривация предстает как средоточие рисков: находиться дома страшно, т.к. объективно опасно.

В параграфе «***Краудинг и негативная территориальная идентичность»*** утверждается, что тип жилья провоцирует краудинг (линейный R^2 = 0.380, β = 0.361, знач. 0.000); лояльность к городу (линейный R^2 = 0.737, β = –0.402, знач. 0.000), но не микрорайону (линейный R^2 = 0.008, β = 0.043, знач. 0.505). Чем реже человек имеет «свою» комнату и чем ближе родился, тем менее благополучным видит микрорайон. К городу максимально лоялен частный сектор; минимально – общежития, где принятие города противоположно «загрязненности» микрорайона (β= –0.971, знач. 0.000) и выше при легкой степени краудинга (β=0.319, знач. 0.045). В квартирах принятие города тем выше, чем лучше кажется район (β= –0.340, знач. 0.053), но ниже краудинг (β= –0.355, знач. 0.044). Только жители частного сектора привязаны к месту жительства, не намерены его менять, и определяющий предиктор – отсутствие краудинга (β= –0.917, знач. 0.001). Историко-социологический экскурс в эволюцию жилища жителей нашей страны показал, что историческое развитие жилища направляет расслоение не столько по критерию площади, сколько по критерию полноты жилищных прав.

В параграфе «***Правовые истоки жилищной депривации и нарушения жилищных прав»*** приводится факторный анализ данных о нарушении жилищных прав, в основном пожилых, сирот, лиц, вышедших из заключения, инвалидов, малообеспеченных, бездомных, жителей зданий, являющихся объектами культурного наследия и особо охраняемых природных территорий, неузаконенных построек, институционального жилья. Эмпирически подтверждена отрицательная связь виктимизации с жилищной обеспеченностью. Выявляются правовые истоки дискриминации бездомных, дополненной отсутствием социальной поддержки и культурным отторжением. Этнические особенности «кочевых» регионов создают предпосылки для большей лояльности по сравнению с центром, где геттоизация одобряется большинством как метод «локализации риска».

Четвертая глава – **МАРГИНАЛИЗАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СТИГМЫ –** посвящена эффектам процесса стигматизации территорий.

Параграф ***«Виды, функции и динамика территориальной стигмы»*** анализирует маркеры стигмы в оппозициях свое/чужое, жилое/нежилое, пустое/полное. Одинаковые виды (социальная, физическая, функциональная, паранормальная) триангулятивно подтверждены по независимым методикам. Анализ динамики функциональной стигмы показал возможность дестигматизации соседством района, если в нем жилье конкурентоспособно, а стигма основана на рисках территории. Необратима стигма, основанная на рисках жилища. Жилищно-территориальные системы с высокой концентрацией рисков и низким ресурсным потенциалом жителей опознаются как «трущобы», что

консервирует их социальный состав. Обособившись посредством интерперсональности как самостоятельный культурный шаблон от своих первоначальных носителей, стигма становится фактором их собственной, вторичной, маргинализации. Историческую преемственность стигм объясняют устойчивые функции: вывод социальных пороков за рамки «нормального» пространства и социальных связей; непрозрачный для органов власти фронтир; сепарация своих/чужих; социальный контроль над рисками; социальное устрашение для поддержания политической стабильности и веры в справедливый мир; инициация.

В параграфе **«Ойкофобия и средства массовой коммуникации»** по данным Единой межведомственной информационно-статистической системы об объективной и субъективной стороне жилищных условий в регионах и их покрытии отдельными средствами массовой коммуникации установлено, что удовлетворенность жильем средства массовой коммуникации поддерживают слабо: 26%-32%. Если она выше среднего, влияние не больше 22% вариации. Но в неудовлетворенность они вносят 36%-51% вариации значений оценок, прежде всего за счет коммерческой телепродукции. Контент-анализ 572 метаописаний фильмов, транслирующих образ дома, выявил главную дискриминанту «идеала» и «антиидеала» – безопасность. Образ дома формирует индустрия хоррора. Дом в пригороде и легендарный особняк в городе – главные архитектурные прототипы. Регрессия Кокса показала, что критическое ухудшение образа дома пришлось на 1970-1989, когда на Западе началась активная критика «американской мечты», воплощенной в субурбанизме.

В параграфе ***«Исторический центр и пригород как зоны множественной стигматизации»*** обсуждается идентичность жителей объектов культурного наследия и пригорода. Стигма культового объекта на фоне финансового неблагополучия, низкой самоорганизации, контроля и давления со стороны представителей муниципальной власти делает жизнь в памятнике типом жилищной депривации, порождая деструктивные реакции. Наибольшую доступность мигрантам, самый низкий уровень жизни и высокий – безработицы, культурной эксклюзии пригород компенсирует реципрокными сетями и общинностью. Сохранность зданий – объектов культурного наследия падает из-за подавленных потребностей жильцов, враждебности к своему особому статусу. Подобному зданию может наноситься вред либо в надежде на расселение, либо ради адаптации к жилищной депривации. Выражена ойкофобия: рациональная сторона отражает ситуацию жилищной депривации, иррациональная конструируется ассоциациями с «haunted house». Фокус-группы в успешных и депрессивных пригородных и центральных территориальных общинах самоуправления показали: высокий уровень жизни ослабляет территориальные

связи; позитивная территориальность благодаря общим ценностям и социальной памяти возможна на когнитивном и эмоциональном, но не на поведенческом уровне. И наоборот: в отсутствие общей памяти, эмоционального опыта депривированное, стигматизированное, исключенное соседство способно инициировать солидаристское защитное поведение.

В параграфе ***«Функциональная стигма институциональности и замыкание девиантного габитуса»*** сопоставляются эффекты институционального жилья на уровнях: личность, регион, страна. Тестирование представителей «дна» вне интернатов/в них, показало рост склонности к девиациям, податливости принимающей субкультуре, падение индекса человеческого развития (тем заметней, чем дольше пребывание в интернате). «На улице» индекс человеческого развития растет за счет опоры на свои силы как залог выживания. Интернат снижает агрессивность, аддикции, но вызывает сильный дискомфорт, пессимизм, автоагрессию, готовность к правонарушениям, демонстративность и выученную беспомощность. Главный источник – поведение персонала по отношению к клиентам как носителям нозологической и девиантной стигмы. Получатели социальных услуг высоко оценивают надомные услуги и очень низко – интернаты, прежде всего, персонал и комфорт. Хуже всего чувствуют себя жители интернатов в периферийных селах. Инкарцерация чаще выполняет не реабилитационную, а «геттоизирующую» функцию. Социальная напряженность в «большом обществе» снижается, а дезадаптация «социального дна» растет.

Последний параграф – ***«Цена стигмы: экономический, демографический и репутационный ущерб»*** – анализирует роль стигмы в продажах жилья. Колебания цен зависят от благополучия продавца и образа микрорайона. Повышение цены уроженцем квартиры компенсирует эмоциональную потерю. Но комнаты исключают привязанность, а продажу стимулирует страх. Хозяева выставляют тем более высокие цены на комнаты, чем острее их собственная потребность в жилье, а упрощает продажу наличие удобств. Интенсивность выбытия собственников из района определяет не уровень жизни, а его динамика: положительная стимулирует стремление избавиться от стигматизированной недвижимости, более сильное у более благополучных. Плотность неблагополучных районов снижается из-за эрозии платежеспособного населения и повышается экономическим спадом и миграционным притоком. Стимул переезда у владельцев квартир – повышение качества жизни, у владельцев комнат – минимизация рисков. В сильно стигматизированных, деградирующих ареалах продажи любого жилья на 60% управляются стигмой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ подводит итоги, выделяя значимые результаты и перспективы дальнейших исследований.

Из первичных последствий подавления потребности в жилье, состоящих в бытовом дискомфорте, низком качестве жизни и удовлетворенности ею, следуют редукция социальных ролей, дефекты социальных контактов и идентичности. Абсолютная жилящая депривация – невозможность удовлетворения в жилье базовых потребностей (безопасность, сон и пр.). Относительная жилящая депривация – деформация нормативно «привязанных» к жилью ролей: воспитание, семейное общение, творчество, взаимодействие с государственными институтами. Жилящая депривация маркируется тревожностью, дискриминирует маргинальный статус и запускает вторичную маргинализацию: компенсаторное развитие девиаций, агрессию, углубление сегрегации, субурбанизацию в форме ложной урбанизации, рост внутренней периферии, депопуляцию деградировавших территорий. В ответ на рост социальной напряженности жилищное большинство блокирует зоны социального бедствия, способствуя развитию у их обитателей негативной территориальной идентичности, опирающуюся на стигму и жилищную депривацию. Проявляется в неучастии в делах соседств, эскапизме, незнании культурного кода территории, в социальной амнезии.

Дальнейшего анализа требуют: потенциал мобилизации социально разнородных соседств, сплочения стигматизированных групп, переходы от индивидуального повышения качества жизни к коллективным действиям; специфика жилищной депривации разных социальных слоев, регионов и типов городов; краудинг, жилищная депривация и стигма как факторы негативно влияющие на формирование гражданской идентичности и миграцию населения.

III. Основные положения и выводы диссертации отражены в следующих работах:

Статьи в журналах, входящих в базы WoS и Scopus:

1. Казакова, А.Ю. Субъективное качество жилищных условий и территориальная идентичность горожан (на материале опроса жителей МО «г. Калуга») / А.Ю. Казакова // Социологический журнал. – 2017. – № 1. – С. 62-87. DOI: https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.1.5002. – 1,63 п.л.
2. Kazakova, A. Horror-styled house. Housing situation patterns of horror movie characters / A. Kazakova // Медиаобразование. Media Education: Journal of history, theory and practice of media education / A. Kazakova // 2018. – No 2 (Vol. 57). – Pp. 98-111. – 1,29 п.л.
3. Kazakova, A. Institutionalized children in Russia: Grouping the regions by the scale of the phenomenon / A. Kazakova // Russian Education and Society. – 2018. – Vol. 60. – No 3. – Pp. 216-237. – DOI: 10.1080/10609393.2018.1451200. – 0,88 п.л.

4. Kazakova, A. The Creators of Oikophobia: To Methodology of Research of Domestic Space Demonization as Pragmatic Mass Media Effect / A. Kazakova // Медиаобразование. Media Education: Journal of history, theory and practice of media education. – 2018. – No 4 (Vol. 58). – Pp. 39-55. – 1,88 п.л.

Статьи в журналах, входящих в RSCI на платформе WoS:

5. Казакова, А.Ю. «Социальное дно»: кризис гендерной идентичности как показатель глубины дезадаптации» / А.Ю. Казакова // Женщина в российском обществе. – 2015. – № 2(75). – С. 49-59. – 0,64 п.л.

6. Казакова, А.Ю. Эвфемизация как часть политики деинституционализации детства / А.Ю. Казакова // Язык и культура. – 2015. – № 4. – С. 18-30. – DOI: 10.17223/19996195/32/2. – 0,72 п.л.

7. Казакова, А.Ю. Запах дома: ольфакторные образы пространственно-временных фреймов / А.Ю. Казакова // Международный журнал исследований культуры. – 2019. – № 3. – С. 185-202. DOI: 10.24411/2079-1100-2019-00043. – 1,5 п.л.

Статьи в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России:

8. Казакова, А.Ю. Бомж в зеркале общественного мнения: знак оценки, интенсивность, искренность / А.Ю. Казакова // Вестник Московского университета. Сер. 18 (Социология и политология). – 2006. – № 3. – С. 76-87. – 0,5 п.л.

9. Казакова, А.Ю. Современные городские трущобы: методико-методологические проблемы изучения маргинальных слоев / А.Ю. Казакова // Вестник Московского университета. Сер. 18 (Социология и политология). – 2010. – № 2. – С. 80-90. – 0,6 п.л.

10. Казакова, А.Ю. Улучшение жилищных условий в надеждах и планах калужан: итоги опроса / А.Ю. Казакова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2016. – № 1(41). – С. 151-157. – 0,78 п.л.

11. Казакова, А.Ю. Сфера образования как проблема городского развития: условия общественного внимания (по материалам опроса населения г. Калуги) / А.Ю. Казакова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2017. – Т.3. – № 2 (46). – С. 75-84. – 0,91 п.л.

12. Казакова, А.Ю. Объекты культурного наследия как ресурс аттрактивности пригородной зоны Калуги / А.Ю. Казакова // Человек. Сообщество. Управление. – 2017. – № 1. – С.64-84. – 0,57 п.л.

13. Казакова, А.Ю. Краудинг как фактор городской идентификации студентов-первокурсников / А.Ю. Казакова // Научные ведомости БелГУ. Серия Философия. Социология. Право. – 2017. – № 2. – С. 41-51. – 0,71 п.л.

14. Казакова, А.Ю. Массовая коммуникация как источник жилищной депривации: качественно-количественный анализ воздействия / А.Ю. Казакова // Журналист. Социальные коммуникации. – 2017. – № 2. – С. 88-105. – 1 п.л.

15. Казакова, А.Ю. Феномен жилищной депривации в социальных и естественнонаучных исследованиях: концептуализация и изученность (научно-аналитический обзор) / А.Ю. Казакова // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2017. – № 3(48). – С. 46-62. – 1,38 п.л.

16. Казакова, А.Ю. Семиотическая насыщенность пространства: жилищная депривация как фактор утраты объектов культурного наследия / А.Ю. Казакова, В.Б. Королев // Теории и проблемы политических исследований. – 2017. – Т. 7. – № 4 А. – С. 184-196. – 0,51 п.л.

17. Казакова, А.Ю. Город как пространство рисков: надёжность оценок личной безопасности / А.Ю. Казакова // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2017. – № 4. – С. 105-123. – DOI: 10.24866/1998-6785/2017-4/105-123. – 0,80 п.л.

18. Казакова, А.Ю. Территориальная стигма в функции пароля и ее связь с жилищными условиями / А.Ю. Казакова // Социальные и гуманитарные знания. – 2017. – Т.3. – № 1. – С. 138-148. – 0,91 п.л.

19. Казакова, А.Ю. Территориальная стигма: содержание и знак оценки / А.Ю. Казакова // Социальные и гуманитарные знания. – 2017. – Т.3. – №4. – С. 357-368. – 0,95 п.л.

20. Казакова, А.Ю. Эмпирические типы жилищной депривации. Оценка внутри- и межрегионального варьирования) / А.Ю. Казакова // Человек. Сообщество. Управление. – 2018. – Т. 19. – № 1. – С. 76-90. – 1,06 п.л.

21. Казакова, А.Ю. Образ дома в массовой кинопродукции: оценки, классификаторы, модели / А.Ю. Казакова // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2018. – № 4. – С. 118-132. – DOI: 10.24866/1998-6785/2018-4/118-132. – 0,91 п.л.

22. Казакова, А.Ю. Социально-психологический эффект краудинга в свете археологических памятников древнерусского жилища / А.Ю. Казакова // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2018. – № 5(56). – С. 19. – 1,13 п.л.

Монографии, главы в монографиях:

23. Казакова, А.Ю. Миграционная проницаемость и территориальная стигма городских районов. Итоги повторно-сравнительного исследования микрорайонов Калуги / А.Ю. Казакова // Современные проблемы управления и регулирования: теория, методология, практика: монография / Ред. Г.Ю. Гуляев. – Пенза: Наука и Просвещение, 2016. ISBN: 978-5-9909306-5-0. – С. 126-159. – 2,13 п.л.

24. Казакова, А.Ю. Пригородный образ жизни в современной российской провинции. Социальная база, проблемы и перспективы развития / А.Ю. Казакова. – Саратов: Вузовское образование, 2017. – ISBN 978-5-4487-0006-4. – 259 с. – 12,79 п.л.

25. Казакова, А.Ю. Территориальная стигма как источник жилищной депривации / А.Ю. Казакова. – Киров: Изд-во МЦИТО, 2017. – ISBN: 978-5-906642-71-4. – 201 с. – 9,87 п.л.

Другие статьи и материалы конференций:

26. Казакова, А.Ю. Социальные и социально-психологические факторы девиантного поведения лиц с различной жилищно-ресурсной обеспеченностью / А.Ю. Казакова, О.Ю. Калиниченко // Вестник новых медицинских технологий. – 2012. – № 1. – С. 217-220. – 0,13 п.л.

27. Казакова, А.Ю. Современные городские трущобы: социальный портрет и образ жизни обитателя / А.Ю. Казакова // Современные научные исследования. Вып. 1. Концепт. – 2013. – № Т3. – С. 2531-2535. – 0,21 п.л.

28. Казакова, А.Ю. Детская маргинальность и социальная изоляция / А.Ю. Казакова, О.Ю. Калиниченко // Современные научные исследования. Вып. 2. Концепт. – 2014. – № Т20. – С. 1576-1580.– 0,09 п.л.

29. Казакова, А.Ю. Мотивация пригородного образа жизни в современной российской провинции (на примере пригородов Калуги) / А.Ю. Казакова // Научно-методический электронный журнал Концепт. – 2015. – Т. 13. – С. 1141-1145. – 0,64 п.л.

30. Казакова, А.Ю. Эффективность ТОС в оценках жителей: факторы дифференциации / А.Ю. Казакова // Самоуправление. – 2015. – № 4. – С. 15-18. – 0,35 п.л.

31. Казакова, А.Ю. Городские сельчане: социальный портрет населения пригородной зоны Калуги / А.Ю. Казакова // Самоуправление. – 2015. – № 9. – С. 15-19. – 0,52 п.л.

32. Казакова, А.Ю. Благотворительные и потребительские установки калужан / А.Ю. Казакова // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. – 2015. – № 3(38). – С. 106-115. – DOI: 10.15382/sturIV201538.106-115. – 0,58 п.л.

33. Казакова, А.Ю. Источники «мы-чувства» в самоорганизации локальных сообществ / А.Ю. Казакова // Самоуправление. – 2016. – № 1. – С. 11-13. – 0,49 п. л.

34. Казакова, А.Ю. Социальная амнезия как фактор утраты культурного наследия / А.Ю. Казакова, О.Ю. Калиниченко // Самоуправление. – 2016. – № 7-8(101). – С. 34-39. – 0,60 п.л.

35. Казакова, А.Ю. Дискриминация арендатора: ксенофобия или практика безопасности / А.Ю. Казакова // Жилищные стратегии. – 2019. – Том 6. – № 2. – С. 237-254. – DOI: 10.18334/zhs.6.2.40814. – 1,17 п.л.

36. Казакова, А.Ю. Бомж и безнадзорный: объект и субъект общественного мнения как доминанты его направленности / А.Ю. Казакова, Т.М.Баранова, Н.М. Киселева // Труды регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. Вып. 7. – АНО «Калужский научный центр», 2006. – С.187-213. – 1,5 п.л.

37. Казакова, А.Ю. Толерантность в отношении «социального дна» и ценностные ориентации населения / А.Ю. Казакова // Актуальные проблемы экономических, юридических и социально-гуманитарных наук: сборник статей VI ежегодной Всероссийской с международным участием научно-практической конференции. 22 ноября 2012 г. / Под ред. Е.В. Поносовой. – Пермь: Пермский институт экономики и финансов, 2012.– С. 171-173. – 0,05 п.л.

38. Казакова, А.Ю. Групповая социальная изоляция и динамика «социального дна» / А.Ю. Казакова // XLI Неделя науки СПбГПУ: материалы научно-практической конференции с международным участием. – Ч. XI. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2012. – С. 60-61. – 0,03 п.л.

39. Казакова, А.Ю. «Социальное дно» и качество жизни региона (на примере г. Калуга) / А.Ю. Казакова, В.В. Башманов // Экономика и социум (Электронный журнал). – 2012. – С. 354-364. – 0,6 п.л.

40. Казакова, А.Ю. «Социальное дно» как объект общественного мнения / А.Ю. Казакова, В.В. Башманов, О.Ю. Калиниченко // Проблемы формирования профессионализма специалистов социальной работы: материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 20 ноября 2014 г., г. Екатеринбург. – Екатеринбург: Рос. гос. проф.-пед. ун-т, 2015. – С. 14-19. – 0,3 п.л.

41. Казакова, А.Ю. Современные исследования бездомности в российских регионах: общественная объективность и научная значимость проблематики (научно-аналитический обзор) / А.Ю. Казакова // Труды регионального конкурса научных проектов в области общественных наук за 2016 год. – Калуга: КГИРО. – 2017. – С.72-84 – 1,001 п.л.

42. Казакова, А.Ю. Пригородная зона Калуги: система расселения, типы обитателей и варианты субурбанизма / А.Ю. Казакова // Что мы знаем о современных российских пригородах?: сборник научных статей по итогам Всероссийского научно-практического семинара (Улан-Удэ, 2–3 июня 2017 г.) / Отв. ред. А.С. Бреславский. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. – 2017. – ISBN: 978-5-7925-0464-6. – С.87-97. – 0,74 п.л.

43. Kazakova, A. The location of housing and its exposure to the risk of fire (on materials of the event analysis of accident reports, survey and visual assessment

of cultural heritage) // Science and Society. – No 1. – V.2-2017. – Pp. 99 – 114. – ISBN 978-1-78808-541-0. – 0,75 п.л.

44. Kazakova, A. Housing antinorm in the light of the “home” language concept// Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference "New Opportunities in the World Science" (August 31, 2017, Abu-Dhabi, UAE). – No 9(25). – Vol.4, September 2017. – Pp. 45-53. – 1,04 п.л.